

Сергей Дэльз

Перстень Шивы

Сергей Дэльз

Перстень Шивы

<https://litres.ru/74694493>

SelfPub; 2026

Аннотация

О чём книга?.

Вихрь событий и стремительный водоворот приключений мчится через время отдельными событиями.

Главный герой не человек, не зверь, а перстень Власти, отобранный у монахов Александром Македонским в древнем индийском храме Шивы-Разрушителя. Таинственный Амулет превращает своего владельца в «гипнотическую личность», которая стремится к мировой власти и разрушает всё вокруг. Перстень движется сквозь время, меняя своих обладателей. Александр Македонский, Чингисхан, Гитлер кто следующий будет претендовать на абсолютное господство?

Но бойся, кто бы ты ни был! Перстень может привязать тебя навечно!

Полное погружение в мир Мистики.

Страшно, но интересно!

Содержание

ГЛАВА 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Дэльз

Перстень Шивы

ГЛАВА 1

Его не остановили джунгли, стоящие непролазной стеной. Трудности, подстерегавшие на пути, своими смертельными объятиями склонились перед железной целеустремленностью непобедимого воина.

Грозные колдуны, ворожащие несчастья и сердечную скорбь в своих темных пещерах не испугали его, а прорицателей, предрекавших гибель всем победителям, он просто гнал прочь под дружный гвалт солдатни. И бессильны были крикливые персы, со своими кривыми саблями, и полки разукрашенных слонов неведомого народа индусов, что пытались затоптать его непобедимую фалангу.

Он разогнал всех непокорных врагов по самым окраинам своей необъятной империи, заставив дрожать и стенать, проклиная униженную рабскую долю побежденного...

Обозы тянулись нескончаемой вереницей по дороге, протоптанной несметным количеством солдатских сандалий и укатанной колесами тысяч боевых колесниц. Пыльный смог поднимался вверх едким мутным облаком, показывая еще с горизонта, что надвигается беспощадная и неотвратимая армада завоевателей. Невероятный гвалт от крика погонщиков, мычания быков, скрежетания телег и стонов рабов, что

несли на себе нелегкую поклажу победителей, разносился далеко окрест.

Позади всего этого галдящего моря, глотая пыль и проклиная участь замыкающего, тащилась отборная сотня самых отчаянных воинов богоравного Александра, прикрывая тылы обоза и находясь на предписанном отдыхе. Кому нужен такой отдых, когда едкая пыль от обоза лезет в глаза и щекочет в горле, вызывая хриплый кашель. А впереди до самого горизонта только спины рабов, скрип повозок и хлесткий свист кнута, подгоняющий нерадивых носильщиков.

Сотник Полидект уныло смотрел на пыльное облако, указывавшее направление движения основных сил. Грязные ручьи пота струились по огрубевшему и обветренному лицу воина, щипали глаза и создавали неприятное липкое ощущение. Впрочем, что ему ощущения, когда вся жизнь прошла в походах и битвах?

Вот уже тридцать лет не выпускал он меча из рук, добывая славу для Филиппа, а затем для Александра. На его глазах маленькое царство превратилось в мощную Македонскую империю, раскинувшуюся на многие дни пути. Эллинские сандалии попирали всю Вселенную от края до края, утверждая новый порядок и просвещение на завоеванных варварских территориях. Разгромлены полчища диких народов: франков, итальянцев, повержена заносчивая Персия, странный народ индийцев рассеян по джунглям. Многие воспоминания побед и поражений хранятся в душе у Полидекта.

Однажды он даже попадал в плен, но, разорвав стягивающие его ремни, благополучно бежал, сполна испытав на себе позор побежденного.

Пусть побежден, но не повержен! Теперь он вновь в когорте отборных частей войска и движется к победе, на завоевание волшебной страны Инд.

Полидект презрительно смотрел на голые руки рабов, надрывающихся над большими тюками, упавшими с повозки прямо в дорожную пыль. Он снял шлем, подставив слабому ветерку свои слипшиеся от пота золотистые кудри.

Он содрогнулся: рабское ярмо тяжело и недостойно воина, лучше быть разрубленным на куски, чем вот так ковыряться в пыли под кнутом надсмотрщика. Он был настоящий солдат, с детства посвященный богу войны Аресу. Умереть с мечом в руке – вот что было настоящей наградой.

Но боги распорядились иначе...

Однажды сопровождая Александра в Дельфах, он обратился к предсказательнице судьбы: «Прореки, о мудрая Пифия, что ждет воина Полидекта в будущем? Встретит ли он достойную смерть? Оставит ли после себя сильное потомство? Не ждет ли его рабская печать или забвение потомков?»

Ответ, доносившийся с высоты колоссального медного треножника окутанного волшебным дымом поверг его в смятение:

«О, воин славный Полидект пройдет весь путь отважным

мужем, и он умрет не умирая, в потоках Стикса затерявшись.

И будет он искать покоя, просить Харона о пощаде, уставший старый гордый воин. Но глухо серое пространство и узы держат словно плети.

Я вижу поле, что без края, и белых вихрей вой и ярость, и странный дом из шкур звериных, а в нем лежит у чужеземцев, страдая воин, как младенец. И вижу я чужую руку, что драгоценный дар сокрыла, как друг и враг неразделимый.

И будет так, как я сказала по повелению богов!»

Пифия умолкла, и сколько Полидект не молил себе разъяснения, ни звука не исторгло священное создание.

Как плакать воину?! Даже скала быстрее заплачет, чем Полидект. Как лежать, словно младенец? Он полон сил и здоровья и уж постарается умереть в бою. В уме ли эта священная Пифия? Может привиделась ей в сизом едком дыму всякая дрянь не из его, Полидекта жизни?

В дикую жару мороз пробежал по телу славного воина. Да поможет ему мудрая Афина-Паллада, да не покинет в бою всепобеждающий бог войны Арес-Воитель, да не отринет от своего покровительства верховный олимпийский бог Зевс-Громовержец.

А рабы все упирались, пытаясь забросить тук на повозку. Некрепкая ткань прорвалась, и прямо в дорожную пыль, словно золотой дождь, хлынули дорогие украшения, кубки и чужие монеты, нестерпимо сверкая на солнце золотым блеском. Рабы равнодушно смотрели на этот поток, пытаясь

лишь закинуть ненавистную поклажу. Черные грязные ноги втапывали в прах золотые лики поверженных правителей, горделиво взиравшие с монет и кубков.

Украшения, за которые красавицы всех народов и сословий готовы были пожертвовать и телом, и честью, катились по дороге, словно гнилые перезрелые ягоды, выброшенные хозяйкой за ненадобностью.

Бренно золото! Бренны драгоценности!

Все устремления и вожеления смешиваются с пылью времён в причудливом обозе жизни. И может чей-то ленивый раб скоро затопчет ногами то, что еще недавно вызывало у тебя томление и зависть.

Где же сейчас те Великие, что кичились и блистали еще так недавно? Они во прахе и тлении кормят червей. Они растерзаны и уничтожены в своей славе и своем поражении. Они канули в забвение, оставив лишь иллюзии, чтобы другие Великие, нацепив на себя блестящие камни, утонули в своей исключительности и всевластии, чтобы потом также пасть. И эти круги будут повторяться бесконечно, пока жива власть, пока ненасытно тщеславие, пока существует Человек.

Все в Мире бренно, все – суета и томление духа!

Полидект покачал головой:

–Эй, Константинос! Подгони этих бессильных скотов, или мы будем торчать тут целую вечность, и смотреть на их жалкие потуги.

Молодой воин, излучающий силу и жажду жизни, подско-чил к рабам и, прыгнув с красавца-коня, хлестнул плетью по спине одного бедняги.

—Скорей, собаки! Лучезарный Гелиос уже склоняется к закату, а вы все возитесь с этой поклажей.

Но обессиленные адской жарой и долгой дорогой рабы только повалились на колени не в силах выполнить свою ненавистную задачу, зная что меч победителя непременно обрушится на нерадивые головы, а плеть погонщика выбьет оставшийся дух из обессиленного тела.

Константинос с безнадежностью посмотрел на скрючен-ные, ожидающие расправы тела и засунул плеть за кожаный ремень.

—Соберите кубки и монеты! — он заключил тюк в свои огромные стальные объятия и сам забросил на телегу, испыты-вав удовольствие от напряжения собственного тела и осозна-ния своей силы.

Рабы благодарно кинулись собирать разбросанные на до-роге драгоценности.

Полидект одобрительно покачал головой и махнул осталь-ной сотне, чтоб не останавливались.

—Ты славный воин, Константинос. Сердце солдата должно быть камнем в бою и милосердием в жизни. Хвала Зевсу, бо-ги подарили тебе такое сердце. Но знай, воин: ни франки, ни италийцы не пощадят тебя, окажись ты их рабом. Хороший раб только тогда смирен, когда чувствует крепкую сандалию

завоевателя на своем горле. Дай ничтожеству пощаду, и оно превратит тебя в еще большее ничто, надругавшись над тобой жалостью. Запомни это, воин. Этот закон незыблем во все времена.

Константинос только склонил голову и прижал кулак к сердцу, не смея возражать.

Полидект прищурился и посмотрел на стремящееся к горизонту солнце.

—Скажи к богоравному и передай, что сотня отдохнула и рвется в бой. От безделья и праздности слабеет дух, вянут мышцы. Наши глаза уже давно снова хотят посмотреть на то, что приготовил нам Аид в своем подземном царстве. Еще немного такой праздной жизни, и люди начнут мечтать о женщинах и домашнем уюте, вместо того, чтобы громить врагов.

Константинос опять поклонился.

До горизонта растянулся походный обоз, следующий за основной фалангой богоравного. Еще многие полеты стрелы составляли сама фаланга и конница. А впереди, на несколько суток пути, рыскали конные пикеты разведчиков, непрерывно докладывая обстановку в походную ставку.

Уже прошла неделя с того памятного дня, как были разгромлены несметные полчища Магараджи, правителя этой области страны Инд.

Страшным вихрем раскрашенные слоны обрушились на стройные ряды македонской фаланги. Дикий вой взорвал

воздух, тучи стрел закрыли солнце черным роем, жаля и поражая все вокруг. Казалось, сами древние титаны восстали из недр мрачного Тартара, чтобы наказать дерзновенных людей, проникших на запретную территорию у самого Края Вселенной. Сотни тел, окровавленных и изломанных битвой усеяли долину побоища...

Недвижим стоял Александр, глядя, как слоны увязают в смертельной сече. Магараджа уже праздновал победу, когда с тылу в его войско врзалась, подобно молнии, боевая конница. Линия фаланги выправилась и потеснила смятенное вражеское войско. Ряды наступающих бойцов дрогнули и началось неуверенное отступление, а потом и откровенная всепоглощающая паника.

Магараджа в сопровождении отряда личной охраны и нескольких сановников пытался вырваться из огненного кольца, но тщетно! Отборная сотня Полидекта была наготове, преследуя беглецов по пятам. Полидект загонял их все ближе и ближе к отвесной скале, отрезая путь к спасительным джунглям.

И вот он последний бой. Поняв, что им не уйти, сановники решили купить себе свободу изменой, и Полидекта встретила лежащая на серебряном блюде голова Магараджи.

Посмотрев в искаженное страхом мертвое лицо, Полидект перевел взгляд на дрожащих сановников. Константинос уже отобрал у них оружие и выставил оцепление, готовое в любую минуту растерзать беглецов.

—Что ж, хороший враг — мертвый враг, — философски заметил Полидект, передавая голову помощнику. — Вы, собаки, хотите купить себе жизнь изменой? Так знайте, о нечестивые потомки варварского народа, что тот кто предал своего господина, кормильца, питавшего с руки своей — достоин смерти и презрения. И нет пощады изменникам.

И огласил последний вой тот страшный обрыв, где лежали убившие своего господина сановники.

Полидект принес голову и бросил ее к ногам богоравного. Отныне путь в чудесную страну Инд открыт. Открыта дорога в край несметных сокровищ и страшных тайн. Теперь великий полководец подомнет и эту часть Вселенной своей непобедимой сандалией, и никакой другой магараджа не в состоянии противостоять победной поступи македонской армии.

Что там эти поверженные правители, султаны, магараджи... все их могущество осело пылью на пройденных дорогах. Их красивые женщины развлекают солдат, их драгоценности пылятся в обозе, их кости белеют в траве, и только его слава и могущество блистает и не меркнет в потоке времени.

Александр смотрел на валяющуюся у ног голову и думал: «Вот и еще один призрак будет вызывать во мраке ночи, нагоняя на меня смертную тоску».

Таков удел правителей: при внешнем блеске и гомоне соратников оставаться одинокими. И только вечные призраки всех убиенных, низверженных и погубленных душ сопро-

вождают каждого Великого в его ночных бдениях, заставляя сжиматься сердце и леденеть тело. И не заглушит их зов ни пьяная оргия с друзьями, ни ласки отборных женщин. Каждый Великий знает это. Тяжела она, Корона Власти...

Тоска, посещавшая Александра, проходила так же внезапно, как и появлялась. Он смело посмотрел вдаль, где еще дымились окровавленные тела индийского войска.

—Вперед, моя доблестная армия! Варварские народы жаждут нашего завоевания! Они просят просвещения и порядка. Мы принесем свет и культуру в темные земли! В поход, мои непобедимые воины! Нас ждут подвиги и слава!

И прогремел радостный рык! И содрогнулась земля от тысяч чеканящих шаг шеренг! И пали ниц непокорные дотолы народы!..

Александр на своем любимом коне Буцефале неспешно передвигался в стороне от основной фаланги, когда сквозь тройное кольцо личной охраны к нему был допущен Константинос.

—О, богоравный! Полидект интересуется, когда ты вспомнишь о своих воинах? Сотня отдохнула и жаждет боя во славу Геракла и Македонии.

—Не спеши, Константинос. Проводи меня некоторое время, может и отыщется работа для Полидекта. Скучно мне, тошно, однообразно...

В это время к полководцу осторожно подъехал адъютант. Александр выслушал доклад и утвердительно кивнул.

–Эй, Константинос! Ты приносишь удачу. Скачи к Полидекту и скажи, чтобы не медля явился ко мне не жалея своих зажиревших коней. Его сменит другая сотня, а мы наведаемся в гости, и думаю, это меня развлечет.

Константинос умчался, как ветер.

Как только показался Полидект, Александр немедленно повернул на юг и углубился в джунгли.

Полидект не задавал вопросов, он охранял богоравного и готов был разорвать целый легион легионов врагов, если они встретятся на пути.

Сотня углубилась в заросли петляя по неприметным тропинкам. Аромат джунглей, гомон птиц и непонятные шорохи в кустах заставляли напрягаться все обострившиеся чувства. На этих узких дорожках можно было легко попасть в засаду, или нарваться на дикого зверя. Стоило ли так рисковать богоравному и отрываться от основной охраны?

Старый воин слегка удивился, увидев, что путь их лежит к двум возвышающимся усеченным пирамидам древнего храма, увенчанным небольшими пиками серых башен. Поросшие мхом резные стены из миллиона фигурок, казалось, стояли здесь от сотворения мира. Пики башен были гладкими и заканчивались гигантскими кристаллами горного хрусталя, ослепительно горевшими на заходящем в марево солнце ...

*** **

–Великий магараджа разгромлен. Его слоны изгнаны в джунгли, а голова лежит у ног нечестивого Искандера. Слов-

но кровавый демон Рудру, Искандер опустошает нашу землю. Его солдаты, эллины и персы, оскверняют храмы, берут детей для воспитания в дали от Родины а мужчин делают своими рабами. Они меняют законы и порядок, установленный верховным божеством Брахмой, отменяют касты и вносят запустение и смерть в наш край. Подобно Шиве-разрушителю они уничтожают все создаваемое... – лепетал гонец перед Маха гуру – Верховным Хранителем храма бога Шивы.

Маха гуру размеренно качался закрыв глаза и думая о своем.

– Шива не только разрушает, он способствует возрождению. Все конечно в бесконечном потоке реинкарнаций, – задумчиво проговорил он. – Искандера нужно остановить. Ни человек, ни зверь не в состоянии сделать это. Только Шива в своем облики разрушителя сотрет с лица земли нечестивое войско.

Маха гуру долго качался в странном экстазе, потом вдруг открыл светлые ясные глаза, как бы пронзающие изнутри потоком всепроникающего сознания и твердо сказал.

– Пусть Шива уничтожит завоевателей. Пусть он посмотрит своим глазом на войско захватчиков, и войско падет от его взгляда. Я подарю Искандеру глаз Шивы, и Великий станет пылью в потоке времени. Шива всегда съедает владельца своего глаза.

Маха гуру хлопнул в ладоши, и тотчас, словно из-под зем-

ли, выросли два монаха, склонившиеся в поклоне.

–Распустите слух о несметных сокровищах, хранящихся здесь, приготовьте глаз Шивы и будьте начеку. Все мы скоро перейдем в иную инкарнацию, потому что час близок.

ГЛАВА 2

Грубые окрики, звон копий и ржание лошадей заставили встрепетать все небольшое население Храма Шивы. Несколько всадников влетели на небольшой храмовый двор, обрамленный цветами и благоухающими травами.

Монахи столпились в кучку и с любопытством глазели на чужеземных гостей.

–Оцепить храм по кругу, выставить пикеты, Константинос прикрывает основные подходы – четко командовал Полидект. – Эй, вы там. Кто здесь главный? Немедленно подойти сюда, или я выпущу ваши вонючие кишки!

Из толпы выделился сухой костлявый старик с букетом цветов и поклонился надменно взирающим всадникам.

–Слушай, варвар! Если хочешь, чтобы твой храм и твои люди остались живы, окажи максимальные почести богоравному Александру, признай его своим повелителем и пади ниц перед его могуществом. И попробуй схитрить! Вмиг отправлю в царство мертвых, на встречу с Аидом! – Полидект грозно тряхнул копьём.

Старик закивал головой и, произнеся несколько непонятных слов, проговорил:

–Искандер. Искандер.

–Да, Искандер. Богоравный Александр! – Полидект кивнул головой и отпрянул, давая дорогу личной охране Алек-

сандра.

Вот и сам богоравный. Он грозно посмотрел на старика и нетерпеливо спросил:

–Старик, отвечай, что за храм? Какие дары вы приготовили для встречи своего господина?

Старик поклонился и, продолжая улыбаться, рассыпал цветы у ног лошади Александра, повторяя: «Искандер, Искандер».

–Эй, Фарух! – скомандовал Александр. – Объясни этой образине, что от него хотят, а то мы будем стоять тут до расвета.

Перс Фарух, стоявший уже многие годы на службе у Александра и знавший многие языки и наречия, быстро перевел вопрос старику.

Тот неожиданно опустится на колени и, сложив руки лодочкой, запел какие-то заунывные песни. Брови Александра удивленно поползли вверх, но старик не обращал на него внимания и продолжал выть, мерно покачиваясь из стороны в сторону.

–Это что еще за театр?!

–Он поет священные Тантры, такие притчи, о богоравный, – сказал Фарух. – Он говорит, что этот храм посвящен разрушающему божеству Шиве. Он сравнивает тебя с этим божеством и предлагает посвятить тебе этот храм. Он говорит, что все сокровища Мира несравнимы с одним взглядом Шивы. Ни одна сила не смеет противостоять Шиве, как

не смеет противостоять тебе, о богоравный. С рассветом ты увидишь великую силу Шивы.

—С рассветом?! Я не собираюсь торчать здесь до рассвета! Скажи ему, что мы забираем дары и уходим!

Фарух немедленно перевел приказ полководца, но монах продолжал качаться, как ни в чем не бывало.

—Может, он одержим злыми чарами, или они, как глупые Сатиры, решили посмеяться надо мной? — Александр выхватил короткий меч и поставил коня на дыбы.

Но на монаха это произвело не больше впечатления, чем кваканье лягушки.

—Ты можешь убить его, о богоравный, он даже этого не заметит. Он духом в Том Мире, и не может чувствовать ни боли, ни страха. Он не видит и не слышит окружающих, пока не дочитает Тантры. Не угодно ли послушать, о чем он говорит? Убить его мы всегда успеем.

Александр кивнул и убрал меч и скрестил руки на груди, наклонив голову в сторону.

Фарух стал медленно переводить.

О великий и богоравный правитель, чьи сандалии купаются в водах многих морей, чьим наложницам нет числа, чьи жены пребывают в счастье и богатстве.

Твоя непобедимая армия покорила многие страны, многие народы пали ниц перед твоим великолепием и силой. Вся Вселенная содрогается по твоему повелению. Все богатства принадлежат тебе. Ты велик и славен в своей блистающей

мощи и всемогуществе. Ты подобен Шиве, повелевающему: этому быть, а этому нет. Ты, подобно древней игре в фигуры, расставляешь народы, страны и языки. Твой взгляд заставляет трепетать каждого, кто прикоснется к твоей мощи.

Знай же, о богоравный завоеватель! Все бrenно и непостоянно в этом Мире! Все конечно и ограничено. То, что ты называешь Вселенной, еще не Вселенная. Есть северные земли, куда не доходили галеры Аргонавтов. В них гораздо больше богатств и славы, чем в мире, который ты называешь «вселенная». В них живут дикие люди, которых ни когда не покорит твоя непобедимая фаланга. Там есть гигантские степи, где твое величие и сила войска растворятся, как кучка муравьев во дворе храма. Далеко на Севере даже день и ночь меняются местами. Много дней стоит день, и на долгое время опускается ночь. Там есть Великий Северный Свет, который наступает во мраке непроглядной ночи, длящейся очень долго. Сплошная тьма и Великий Свет. Этого не видел ни один южный человек. Ни царь, ни раб не прославил себя и свое войско тем, что дошел до Северного Света! Только Шива знает такие пространства, только его взору подвластны такие дали. Только он может уничтожить целое войско одним своим взглядом.

Я дам тебе глаз Шивы, чтобы ты сам увидел силу разрушающего божества. Все твое войско ляжет, как один человек, от одного взгляда Шивы, и ты сам увидишь, что нет силы могущественнее. Ты станешь обладателем этой силы.

Ты пойдешь в Северную страну, увидишь Северный Свет, и слава твоя возрастет многократно. Одним взглядом ты будешь убивать целые народы. Вот, что такое глаз Шивы.

Глаз Шивы помнит все, что видит. В нем энергия звезд и луны. Он погубит любого врага, дав хозяину мудрость и рассудительность Шивы. Тот, к кому попадает глаз Шивы, станет властелином на Севере и на Юге. Империя его безгранична, знания его бесконечны. Но бойся, смертный, непосвященный, не обладающий харизмой. Шива съест тебя изнутри. Выпадут волосы, выпадут зубы, и злая вонь пожрет внутренности. Глаз Шивы – Власть и Смерть! Владение Миром и прах Небытия!

Старик замолчал и открыл светящиеся глаза.

Все замерли в странном оцепенении, и только ночные шорохи и крики в джунглях нарушали наступившую тишину. В обрамлении ярких мерцающих алмазов звезд вышла из-за деревьев хозяйка ночи Луна.

Хрустальные наконечники башен загорелись желтым огнем, и двор озарился странным неправдоподобным светом, и нельзя было разобрать, где тут миф, а где реальность.

Мистический ужас охватил слушавших. Казалось, сейчас в этом свете отделятся от стен древние лики, и каменные статуи растерзают на клочки вторгшихся в их жизнь чужеземцев. Словно призраки всех мастей притаились в тенях старого храма.

Александр показалось, что сам магараджа выйдет сей-

час из-за дерева, неся в руках отрезанную голову... Вот он приближается к оцепеневшему правителю, и голова, зевая, с трудом выговаривая слова, произносит: «Победитель, скоро твой черед присоединиться к нам. Мы ждем тебя».

Толпа растерзанных привидений выходит на желтый свет от кристаллов. Вот персидский визирь с ободранной кожей, вот его жены со следами кровавых ран, а вот и сам Правитель с отрубленной рукой и изуродованным от пыток телом. И еще много-много других. Мужчины... женщины... дети, наследники династий...

«Мы ждем тебя, богоравный, иди к нам», – они приветливо машут обрубками и зовут за собой...

Александр содрогнулся и медленно проговорил:

– Покажи мне старик глаз Шивы, или я велю выколоть твои глаза.

– О великий повелитель, глаз Шивы находится в храме, на алтаре. Изволь снять свои сандалии и прийти в священное место для получения дара.

– Вот еще! – возмущенно воскликнул Александр. – Приноси его сюда! Или я не повелитель вселенной, чтобы разувался ради чьих-то глаз.

– О всемогущий! Ни один простой смертный, не познавший бренности величия, не может тронуть великую святую. Она отомстит осквернителю. Но ты сын богов, твой род идет от Геракла. Ты сознаешь бренность великолепия и полновластия, ты воплощение самого Шивы в его разрушитель-

ной ипостаси. Только ты сам можешь взять свое сокровище, ибо оно принадлежит богам, а значит, и тебе богоравный.

—Хорошо, — покачал головой Александр, но снимать сандалии, словно простолюдин, я не буду.

Старик склонился еще ниже и забубнил.

—Ты можешь делать все, что захочешь, ибо ты есть повелитель. Но знай, войдя в храм обутым, ты осквернишь самого себя поступью нечистых сандалий, потому что храм твой, ведь ты воплощение богов. Осквернив себя сам, ты дашь повод сделать это другим. Как могут простолюдины почитать тебя за богоравного, когда ты сам пренебрегаешь ликом богов и своим собственным величием?

—Эти индийские мудрецы на все дадут ответ, — рассмеялся Александр и скинул сандалии. — Но если это ловушка, знай, старик, я отправлю тебя и всех твоих приближенных от вашего Шивы к нашему Аиду.

Охранники дружно рассмеялись и плотным кольцом охватили храм.

Под неверным светом факелов зашевелились храмовые тени. Грозные статуи пристально всматривались в пришедших чужеземцев, нарушивших вечный покой обители. Да и сам Шива, всегда спокойный и равнодушный ко всему, удивленно приподнял бровь при виде Александра.

Мертвая тишина окутывала все кругом, и только лязг оружия вошедших гулко раздавался в каменном зале. Это был другой Мир. Мир вечности и покоя.

Александр подошел к алтарю у ног невозмутимого Шивы и посмотрел прямо в лицо божеству.

– Велик и грозен Шива разрушитель! – перевел Фарух слова маха гуру.

Александр презрительно поджал губы. Ему ли, покорителю земель, после блеска просвещенных Афин, после падения надменных Фив, бояться и удивляться какой-то чужеземной статуе.

– Возьми, о Искандер – воплощение Шивы, сей дар, который поможет тебе разрушить Старый Мир, – Маха гуру показал на алтарь, на котором лежал крохотный перстень с непонятным камнем, отливающим серым металлическим блеском, и в то же время прозрачным и ярким, словно играющий гранями алмаз.

– Это глаз Шивы!? – Удивленно усмехнулся Александр.

После пудовых колец и алмазов, величиной с грецкий орех, что подносили ему поверженные персидские цари, этот «глаз» казался просто ничтожным издевательством. У Александра было твердое мнение, что волшебная сила камней прямо зависит от их величины.

– Ты смеешься, дерзкий жрец! Ты хочешь унижить меня жалкой подачкой и вероятно надеешься, что я, вняв твоим сказкам, уеду отсюда, сжимая в руке это заветное кольцо? И не выгребу твоих кладовых? А потом вы будете глумиться и передавать из поколения в поколение, как хитрый жрец обманул глупого македонского царя?

Ни один мускул не дрогнул на лице старика.

– Шива спокоен и рассудителен. Он не мечет стрел понапрасну, о мудрый царь. Он не рядится в никчемное золото, отягощая полет энергии. Шива смиренно взирает на суть бытия, но берегись его смирения! Огнем восплачет глаз Шивы и уничтожит врагов!

Смерть и разрушения посеет он вокруг.

Иной рядится в дорогие украшения, набирается величия от золота и камней, а суть – ничто. Ряженный шут, боящийся дуновения ветра.

Иной не заметен для глаза, мал и неказист, а суть – Сила и Власть над Миром.

Тот, кто не видит грозного жала в маленькой серой гадюке, а боится яркого павлиньего хвоста, суть – слепой глупец.

Не таков Искандер – воплощение Шивы. Он вникнет в сущность, а потом примет решение. Возьми сей перстень, Повелитель, он стоит целой Вселенной. Ты скоро убедишься, что он несет разрушительную энергию.

Александр потрянул головой и протянул руку к перстню.

– Стой, о богоравный! – прокричал Фарух. – Может, перстень отравлен. Пусть монах сам возьмет его!

– Ты мудр, Фарух! Персы больше понимают в ядах, чем эллины. Старик, сам подай мне перстень!

– Нет, о великое подобие Шивы. Ты можешь изрубить нас на куски, но к перстню ни кто не прикоснется, иначе он принесет неисчислимые беды. Только избранный богами может

взять его в руки, остальным он принесет смерть и ужасные муки.

–Я богоравный, мне ли бояться твоих наветов, но если перстень приносит смерть, то он отравлен! Ты решил убить меня, подлый старик!

–В перстне заключена великая сила! Ты убедишься в этом, когда наденешь его на указательный палец...

–Довольно сказок, я убью тебя!

–Подожди, о богоравный, – вперед выступил Полидект. – Я надену этот перстень. Я тоже избран богами служить твоей славе! Кто скажет, что я трус и не умею укрощать свой дух? А если я отправлюсь в царство мертвых, сделай так, что бы этот старик сопровождал меня. Вдвоем нам будет веселей.

–Мы убьем его! – пообещал Александр.

Полидект смело взял перстень в руки.

Легкая искра прошла по телу, и сердце беспокойно стучнуло несколько раз.

Неожиданно Полидект заметил, что самочувствие его улучшилось и нывшее от ночной сырости колено заметно перестало ломить.

–Как будто благотворная сила исходит от этого перстня, – медленно проговорил Полидект.

Перстень лежал в большой ладони воина, издавая слабый пульсирующий свет, от чего казался нереальным во мраке храма.

–Пусть он наденет его, – сказал Фарух. – Может, в нем

имеется тайная зазубрина, начиненная ядом.

Александр кивнул Полидекту головой. Тот усмехнулся и надел перстень на указательный палец...

Никаких тайных зазубрин не было. Не было и ощущений.словно струйка дыма медленно наполняла организм, постепенно захватывая каждую его клеточку. То проникал в тело коварный Шива, настраивая сознание на свой лад. Чаше билось сердце, и боль в колене окончательно утихла.

—Что чувствуешь, воин? — нетерпеливо спросил Александр, которому уже начала надоедать вся эта комедия.

Полидект взглянул на него...

То ли лунный свет не так озарил лицо богоравного властелина, то ли смертельно утомил самого Полидекта весь этот маскарад с перстнем, но вдруг крамольный ветер захватил его разум и возмутил его дух.

Не всемогущий полководец стоял перед ним, а юноша, погрязший в роскоши и пирах, дрожавший за свою шкуру, боящийся надеть даже этот ничтожный перстень. Может, этот юноша и обладает кое-какими способностями, но если бы не мудрые советники и не авангард таких воинов, как сам Полидект... Не ездить бы этому зазнавшемуся юнцу на золотом коне Буцефале по костям своих врагов с гордо поднятой головой.

Не так уж он высок и строен, не так красив и мудр, как привык казаться. Да и сама непобедимая фаланга не является верхом совершенства! Если разбить ее на отдельные леги-

оны, это улучшит ее боеспособность! И сам Полидект в силе. Пусть уже стукнуло за пятьдесят, пусть болит колено и ноют старые раны, но доведись ему встретиться в честном бою с... самим Александром... вряд ли проиграл бы Полидект...

Титаническим усилием Полидект унял странную волну неповиновения и скинул перстень.

Перед ним стоял властелин.

—Что в этом перстне? Отвечай, или сам Гефест сковал цепями твой разум?

—Я в разуме, о богоравный. Этот перстень, несомненно, обладает странной силой. Я не знаю, сможет ли его носить человек, но дух у этого человека должен быть подобен железу. Сможешь ли ты противостоять его чарам, Александр?

Повелитель нахмурился. Мало кто называл его по имени. В последнее время он воспринимал обращение «Александр» как фамильярность и непочтение.

Он взял перстень из рук Полидекта и ощутил, как буря бешенства наполняет его изнутри, накатывая горячей волной.

И как это Полидект измыслил назвать его по имени? Уж не возомнил ли он себя ровней повелителю? Уж не решился ли он на бунт, этот загордившийся пес Полидект?

Маха гуру, прищутив глаза, сверлил взглядом противников, еще недавно бывших соратниками. Уж он-то знал, что происходит внутри человека, дерзнувшего посмотреть на Мир сквозь заветный глаз. Шива обязательно подчинит тело и навяжет свою волю, и кто б ты ни был, нет спасения

от его власти.

Он медленно и равнодушно погружается в свою жертву. Он тверд, как скала, и непримирим, как мировой порядок. Он не знает пощады, ему неведома жалость. Он глух к мольбам и крикам растерзанных душ. Это высший Разум, непонятный смертному человеку. Шива Разрушитель берет сущность своей каменной хваткой и превращает ее в демона Рудру, выжигая своим испепеляющим взглядом все человеческое.

Горе не посвященному в разрушительные тайны Шивы!

–Что этот старик болтал про уничтожение войска и власть над Северными территориями? – неожиданно спросил Александр.

–Действие глаза Шивы можно увидеть только на восходе лучезарного Гелиоса, когда его лучи отразятся от башен храма, – перевел Фарух.

–Мы остаемся до рассвета.

Маха гуру удовлетворенно улыбнулся. Это была единственная видимая эмоция за сегодняшний вечер.

*** **

Они все шли и шли на бесконечно унылый Север. Рваные мутно-серые облака застилали небо, мчась в бессмысленную необъятную даль. Все приобрело белесый холодный оттенок, сырую колючесть и неприятную промозглую влажность. Солнце изредка показывалось в прорывах клочьев, не грея, а как бы обозначая, что оно еще присутствует на небо-

своде. Желтая выжженная степь поражала своими просторами и нестихающими ветрами, воющими который месяц над головами небольшого отряда. Иногда холодные дождевые струи хлестали прямо в лицо Полидекта, но чаще колкие мелкие, словно крупа, снежинки заставляли путников сжиматься от своих холодных объятий. Словно смертное дыхание богини теней Гекаты проносилось по бескрайним просторам этого непонятного мира.

Дикие племена и варварские обычаи окружали их сильно поредевшую сотню. Новые желтые рабы варили какую-то вонючую жижу, от самого вида которой не раз тошнило несчастного сотника.

Вся жизнь осталась где-то там, позади, за самым Краем Света. Даже загадочная Колхида, легенда Аргонавтов, что похитили золотое Руно, и та покрыта туманами и долгими днями пути на Север. Высоченные горы, сочные плоды, красивые женщины – все это осталось за белым-белым далеким горизонтом, а впереди Неизвестность ожидала свои жертвы, чтобы, проглотив, не оставить и следа.

ГЛАВА 3

Полидект с тоской смотрел на густые снежные хлопья, что бескончаемым потоком валились из бездонной прорвы неба. Они, как перья сказочной птицы, мягко колышась на ветру, укутывали замерзшую землю ровным белым покрывалом. Ветер и Стужа – вот цари этого непонятного Мира, Мира без

гор, холмов, лесов и еще каких-либо неровностей, на которых иногда останавливается глаз в своем полете к горизонту. Небо сразу переходит в землю, такое можно увидеть только в открытом море. Впрочем, Полидект и так чувствовал себя словно одинокий челнок в дальнем холодном Северном море.

Спасаясь от жутких холодов и ветра, они остановились на зимовку со своей сотней, не в силах продолжать движение на север. Да и что это была за сотня?

Третья часть погибла при переходе через Колхиду и варварские страны. Одни убиты стрелами диких кочевников, другие умерли от неизвестных болезней, наводивших ужас на людей своей внезапностью и беспощадностью. Еще десяток замерз и пропал в белом царстве Аида в первый же разыгравшийся буран, который застелил все вокруг слепящим непроницаемым туманом. Метель настигла их посреди бескрайней степи. Полидект и не слыхивал, что снег может так, в одну ночь накрыть такие пространства, невероятный холод и пурга буквально выкосили солдат.

Рабов тоже осталось меньше десятка – в основном дикие желтые люди и тройка франков, жестоко страдавших от холода. Так что «сотня» составляла не более пятидесяти простуженных и обмороженных солдат и горстку рабов, не бежавших скорее от страха перед неизвестностью, чем от боязни расправы. Солдаты уже давно сменили свои золоченые латы на звериные шкуры, и было трудно отличить, где тут

раб, а где господин. Кто туземец, а кто цивилизованный эллин.

Полидект много раз спрашивал себя, зачем он вызвался одеть этот проклятый перстень? Ведь это он так круто изменил судьбу и жизнь Полидекта.

Судьба...

Судьба была предсказана Пифией.

—Отвар готов, Полидект, — слышался голос Константиноса из шалаша, обитого шкурами.

—Я иду, — Полидект наклонился и взял в руки горсть снега, наблюдая, как тает твердыня и тонкой струйкой утекает между пальцев.

Вот так утекает и его жизнь. Он чувствует это. После сна трудно открыть затекшие гноем глаза. Выпадают зубы, еще недавно крушившие жилы непрожаренного мяса. Редеют волосы, а изо рта пышет зловонье, которое трудно заглушить какими-либо пахучими травами.

Даже после многочасового жевания и очищения он замечал во время разговора, что по лицу Константиноса пробежала невольная брезгливо-рвотная тень.

Да, Полидект был смертельно болен.

Маленькие язвочки покрыли все тело. Это была не болезнь богини любви, что нападала иногда, после посещения женщин дающих свободную любовь. Это была новая, странная болезнь, доселе неизвестная и потому ужасная. Это была «болезнь Перстня».

Полидект помнил все события до мелочей, словно это было вчера, а не год назад.

*** **

Ощетинился пиками пеший десяток, а сзади замерла сотня Полидекта на боевых конях. Впереди стоял сам Полидект, насмешливо скрестив руки на груди. В нем бушевал огонь гордости и спеси. Не может какой-то перстень, в сущности, простой амулет, уложить его отборную сотню.

—Надень «Глаз Шивы» на указующий перст, о повелитель, — попросил маха гуру.

Лучезарный бог солнца Гелиос осветил своим божественным ликом самый край неба. Все замерло в предрассветной тиши. Джунгли уgomонились и застыли на миг безмолвия перед моментом появления животворного божества, дающего жизнь всему и вся. Еще несколько секунд, и буря света вырвется из-за крон деревьев и объявит о наступлении нового дня нового времени!

—Встань на этот знак, что впечатан в древнюю плиту. Свет мироздания уже уносится в высь, и камни на башнях храма вот-вот заиграют, подобно небесной радуге. Укажи, о воплощение Шивы, на своего врага. Будь их хоть несметное количество до самого горизонта — все равно они полягут бездыханными.

—А если ты лжешь, старик?

—Ты убьешь меня, о воплощение Шивы! Но помни, что указывать нужно прямо на врага, иначе обратный удар неис-

траченной разрушительной энергии Шивы убьет тебя.

—Я потомок Геракла! Меня охраняют олимпийские боги, и ни один амулет не причинит мне зала! — рассмеялся Александр.

—Твое войско умрет, если ты согласишься на него сквозь Глаз Шивы, о повелитель. Еще никто не выживал после взгляда Шивы Разрушителя.

—Моя отборная сотня стоит тысяч слонов магараджи и не боятся Шивы. Что твой Шива? Не кусок ли камня? Не бездушная ли статуя, каких множество в солнечных Афинах. Фивы тоже грозили мне статуями... и где эти Фивы? Мне просто скучно, старик, и пока не подвернулось настоящее дело, я хочу посмотреть на Мир через чужой Глаз, пусть даже это будет глаз каменного Шивы...

В этот момент вспыхнули волшебной радугой хрустальные наконечники на башнях храма. Вихрь света и оттенков заполнил двор, окрашивая все в разные тона. На мгновение показалось, что все люди мчатся через пространство в какую-то неведомую глубину. Нереальность происходящего перевернула сознание и наполнила чувства неизъяснимым восторгом.

—Глаз Шивы готов к созерцанию, покажи, что ему угодно видеть? — произнес монах.

Александр вскинул руку и уткнул указательный палец в Полидекта и стоявшую за ним сотню.

И тут случилось невероятное! Едва на камень попало ра-

дужное сияние, красный свет отразился в сером камне и перемешался в бесчисленных гранях. Возникло мощное фиолетовое сияние, прошедшее молнией через окаменевшего Александра.

Лошади заржали и встали на дыбы, почуяв смертельную опасность, но было поздно. Фиолетовая молния огненным лассо ударила в грудь Полидекта и растеклась, словно призрачная горящая волна, по всей сотне. Люди схватились за шлемы и, содрогаясь от конвульсий, повалились на траву. Лошади, разбрасывая кровавые изрыгания, попытались выскочить из смертельных объятий сияния, но, словно подкошенные, рухнули на землю.

И только Полидект стоял точно замороженный. Он смотрел прямо на Глаз Шивы.

Свет потемнел перед Александром, и он упал без чувств.

А Полидект все стоял. Казалось, он навсегда останется стоять, как изваяние непокоренности и мужества.

Телохранители подбежали к Александру и сорвали перстень. Константинос, стоявший в стороне, и не попавший под действие волны, оттащил окаменевшего Полидекта в тень. Сотня конников и пеший десяток с воплями и стонами поднимались с земли, осматриваясь вокруг и поднимая обессиленных лошадей.

– Шива разрушит неверного Искандера и его войско. Он видел врага и dokonчит дело, – улыбнулся маха гуру.

– Ты предатель! – взревел стоявший рядом Фарух.

—Предатель ты, коли служишь чужому народу, позволяя истреблять свой. Я лишь показал Шиве Разрушителю его врагов, — равнодушно ответил маха гуру.

Разъяренный Фарух выхватил ятаган и разрубил на две половины тщедушное тело монаха. Маха гуру не издал ни звука, и только облачко кровавой пыли разлетелось по сторонам.

—Что с Полидектom? Я видел, что он устоял против перстня! Он герой и достоин награды! — рывкнул очнувшийся Александр.

—Он жив. Глаза его полны крови, ибо он стоял ближе всех. Возможно, он потерял зрение, — проговорил Константинос.

—Я не ослеп, я вижу, о богоравный, — прохрипел Полидект, по щекам которого текли кровавые слезы.

Его поддерживали Константинос и Фарух. Все оголенные места старого воина покрылись мелкой сеткой разорванных сосудов, постепенно наливаясь, синим цветом.

—Где перстень? — спросил Александр.

—Не трогай его, о, богоравный! Этот перстень несет смерть! — взмолился Фарух.

—Мне не нужен этот амулет. Я и так Властелин Вселенной! — гордо ответил Александр. — Возьми этот перстень, мой верный Полидект, и отнеси под Северный Свет, о котором говорил старик. Пусть перстень запомнит все, что видел, и покажет мне новые земли. Когда мы завоюем Юг, наша непобедимая фаланга отправится на Север и заставит светить этот

тайнственный Свет над нашей Великой Македонской империей. И ты проложишь этот путь, мой верный Полидект, и, разведав Северные земли, бросишь их к моим ногам, прославив свое имя в веках, наравне с богами-олимпийцами. Ты устоял перед светом этого перстня, ты устоишь и перед Северным светом.

Александр злобно посмотрел на столпившихся монахов.
—Храм разрушить, этих скотов убить. Все ценности в обоз.
Он лихо вскочил на Буцефала и, взметнув клубы пыли, умчался под приветственные крики едва державшейся на ногах сотни Полидекта...

*** **

Полидект стряхнул снег и вошел в шалаш.

Промерзшие и голодные, они прибились к какому-то кочевому племени уже без надежды выжить. Все, кто в то роковое утро в первых рядах принял на себя удар фиолетовой волны, давно уже слегли или еле передвигали ноги. Только железная воля Полидекта держала его в рабочем состоянии, хотя основные функции сотника уже исполнял Константинос.

Константинос один из немногих, кто стоял в стороне от волны. Теперь был он здоров, полон сил и отваги и стойко переносил морозы. Таких здоровяков в отряде оставались не более пяти человек, они резко выделялись из горстки изможденных товарищей.

Баши, туземец-варвар из желтого народа, приютил в сво-

ем стойбище остатки лучшей сотни богоравного. Он развалился на мягких шкурах у колыхающейся стенки шалаша и пил конское молоко из грубой глиняной чашки.

Он был главой рода, этот вшивый грязный старик с редкой бородашкой.

В былые времена Полидект просто убил бы его, если бы этот мерзостный, резко пахнувший конским потом и немытым телом старикашка даже прошел возле него. Но теперь это был спаситель, он спас не только самого Полидекта, но и остатки разрозненной сотни от неминуемой голодной и холодной смерти.

Баши неодобрительно качал головой, глядя на изможденный вид Полидекта, и прищурил свои и без того узкие глаза. Поцокав языком и зычно рыгнув, он показал одной из своих жен, чтобы подала отвар повелителю чужестранцев.

«Что за странные люди», – подумал Баши, глава рода Монгыл.

Сколько лет мотается он по степи, мыкая кочевничью долю, но не встречал таких неведомых чужеземцев. Их раскатистый говор режет уши. Много стран знал Баши, во многих землях бывал, но не видел таких гордых белых воинов с острыми короткими мечами и железными шапками. Зачем такие шапки, когда снежные дэвы закручивают свои вихри в голой степи, пугая бесчисленные табуны?

Шел Баши на восток, в родную деревню Монгыл, откуда и был весь его род. Род не велик. Не беден, но и не богат, как

соседние татарские роды. С юга теснили китайцы, с их высокой культурой и всякими премудростями, с севера – северяне, с их теплыми мехами и острыми стрелами. Вот и приходилось кочевать по бескрайней Вселенной, чтобы не попасть под чужой набег, а где и самому не упустить выгоды...

Станный народ эти элины.

Полидект глотнул отвару и почувствовал, что холод постепенно выливается из тела и становится легче дышать. Уходит тяжелый свист в гортани, и легкие перестают булькать и рваться, словно старые кузнечные меха.

–О чем задумался? – хмуро спросил он у Баши.

Еще из Колхиды Полидекта сопровождал раб-переводчик, который немного понимал по-эллински и знал язык степных кочевых народов.

–Думаю, холодно. Без коней, без еды, смерть в степи. Закружат дэвы. Растащат пери. Нужно стоять. Зимовать в стане у юрты, – отрывисто говорил старик.

Полидект кивнул и снова глотнул отвару.

Ах! Как далеко вы, собрания на площади Афин, где блистали своим красноречием ораторы и философы.

–Думаю, плохо будет, если пойдете дальше. На Север сейчас не пройти. На Севере лес погубит. Кто попадет в лес, к лесным людям, тот будет убит.

–Что за люди такие? Расскажи о них старик, – устало попросил Полидект.

–Злые люди. Никого не привечают в лесах. В лесу жить

нельзя, а они живут. В лесу места мало, а им хватает. Носят бороды до колен. Большие дубины. Роят землю и живут за большими заборами. Мало кто их видел.

—А ты видел?

—Может, и видел. Только давно это было.

—Врешь, старик! Нет таких людей, чтоб борода до колен! Я всю Вселенную обошел вместе с великим богоравным Александром. Видел черных нубийцев, грязных франков, дикарей в звериных шкурах, даже вот таких, как ты, желтых кочевников, но ни где я не встречал лесных людей с бородой до колен. И никто не слышал о них. Значит их нет, ты врешь, старик.

—Есть, — коротко и упрямо ответил Баши.

—Не спорь со мной! — вскипел Полидект и стукнул кулаком по мягкой шкуре, на которой сидел. — Лучше скажи, есть Северный Свет или нет такого чуда?

—Нет. Я не видел. Может, знают северяне. Те, что приходят иногда к нашей деревне Монгыл.

—Где твоя деревня?

—О! Большой Железный Предводитель! Много полетов стрелы. Много съеденных лошадей. Много рожденных детей отделяют нас от того благословенного места. Если быстро гнать весь стан, четыре снега выпадет прежде, чем покажутся родные места.

—Опять врешь, старик. Нет таких расстояний, как четыре снега. Вся Вселенная составляет два снега. Или ты не зна-

ешь, как устроен мир Птолемея?

– Не знаю. Знаю Монгыл. Знаю степь. Я там родился. Там весной ковер красных тюльпанов. Там самые быстрые лошади, самые сильные багатуры...

– Эй, старик! Самые быстрые лошади – это конница богоравного. Самые сильные воины – это сотни и тысячи в фаланге Александра. Ты просто глуп, кочевник. Ты бродишь по выжженным степям, и для тебя смешалось время в однообразии жизни. Твоя деревня Монгыл не далее трех лун отсюда, и колесница богоравного придет туда раньше, чем ты доползешь со своим скарбом и женами. Верь мне, я обошел всю Вселенную.

Старик недобро покачал головой и косо посмотрел на пришельцев. Он давно бы перерезал их всех, как баранов перед праздником весны, но слишком остры их мечи, слишком сильны пока еще их руки, слишком мудр их слабеющий предводитель.

Время покажет. Терпеть и ждать в своей кочевой жизни старый Баши умел. Он украдкой погладил свой короткий кривой кинжал, которым с одного маху мог перерезать горло барану, и, цокнув в редкие усы, огладил бороду.

– Буду спать, – коротко сказал он и махнул женам, чтобы они удалились в соседние юрты.

Константинос налил Полидекту еще немного отвара из грубого глиняного горшка.

– Пошел, – скомандовал Полидект, отправляя переводчи-

ка.

—Я слабею, Константинос, — сказал сотник, когда они остались одни, если не считать лежавшего на шкурах старика, ту-по смотревшего в круглое окно вверху юрты. — Еще несколько недель или даже дней, и я уже не встану. Я чувствую это.

Константинос молчал. Он и сам видел, что Полидект слабеет с каждой минутой. По усиливающемуся зловонию он понимал, что процесс разложения необратим и все более ускоряется, пожирая Полидекта изнутри.

—Я не верю этому старику. Он опасен и коварен. Он только и ждет, чтобы наброситься на нас и перерезать, как цып-лят. Но выхода нет, поэтому послушай, что я скажу тебе. Как только я отойду в царство мертвых и предстану перед Аидом, заberi этот перстень и спрячь его от глаз. Не прикасайся к нему. Он состарит твою душу и набросит повязку на глаза. Ты будешь подобен одурманенному Гераклу, что убил своих детей. Все будут казаться тебе ничтожными, только власть будет занимать твой ум. Но это все дым. Ты станешь еще более слабым, чем все окружающие. Сначала всплеск и уда-ча, потом власть и слава, потом бесчестие и огонь в царстве Аида. Вспомни Сизифа, который катает камень. Он катит его на вершину, и вот уже за три шага до цели камень срывает-ся и летит вниз... И человек идет следом, чтобы опять за-няться бессмысленной работой. Этот перстень создает толь-ко иллюзию власти. Только равнодушный Шива будет полу-чать удовлетворение от многочисленных жертв и разруше-

ний, от твоих терзаний и сомнений, от твоего падения и слез. Ведь это его глаз. Не твой, а его.

Когда я умру, сожги меня на костре, и до весны оставайся с этим стариком. Без него вы умрете. Это чужие страны, чужие обычаи, наши боги тут бессильны. Как только почувешь тепло, собирай оставшихся людей и пробивайся в Колхиду. Оттуда есть дорога на нашу родную Элладу.

Передай Александру, что маха гуру говорил правду. Вся наша сила растворится в этих степях. И лесные люди есть, я просто виду не показал, что поверил. Нужен серьезный поход, чтобы достичь северных стран. Много рабов, много снаряжения и теплой одежды. Но пуще глаза своего смотри, чтобы перстень Шивы не попал в чужие руки. В нем могущество завоевателя и смерть слабого, дерзнувшего прикоснуться к тайне.

Полидект развернул висевший на груди мешочек и под отблесками костра заиграл магическим светом страшный глаз Шивы.

Старик приоткрыл узкую щелку и мгновенно решил, что чужеземное сокровище должно быть непременно в его Роде, в далекой деревне Монгыл.

*** **

—Что скажешь, Вахрамей? Задержался ли по злему умыслу, или были на то причины? — надменный и свирепый хан Аскер, сидевший на небольшой монгольской лошадке, свысока посмотрел на орыса, что согнулся перед ним в унизи-

тельном поклоне.

—О чем ты, великий хан? Как первый снег выпал, так и я здесь. Все подарки приготовлены. И соболев есть, и куница, и золотые дары князей суздальских и рязанских.

Хан Аскер вплотную подъехал к орысу и поднял его бородатый подбородок своей плеткой семихвосткой.

—Коназы, говоришь, подарки шлют? Не верю я урусутам, Вахрамеем. И тебе не верю. Смотри, орыс, сам Великий хан может появиться в стане. Недалеко он тут со своими нукерами остановился. Ежели подарки урусутских коназов не понравятся владыке Вселенной, из тебя и твоего волчонка вот таких плеток прикажу нарезать.

Рядом с Вахрамеем вжался в землю маленький комочек, мальчишка лет десяти. В сереньком тулупчике и впрямь похожий на щенка или маленького волчонка. Он недружелюбно смотрел на важного монгола своими маленькими, словно синие бусины, глазами, готовый кинуться на любого, кто обидит его тятку.

Хан Аскер рассмеялся и, свистнув своим нукерам, приказал разгружать сани с дарами урусутских царей.

—А ты ничего, Бышата. Не бойся врага. Ничего, — успокаивал Вахрамеем сына, похлопывая по плечу. — Все одно наша возьмет. Русь, она велика. Ее просто так конями не перетоптать.

Бышата закивал головой и с интересом стал рассматривать желтолицых раскосых нукеров, что лихо вспарывали

мешки, вытряхивая на снег пушнину и золото.

ГЛАВА 4

Из ночной синевы все сыпали и сыпали снежные хлопья, тая в языках пламени. Вся степь была залита пламенем кострищ, и непонятно стало, где истинное небо? Здесь ли, что светит тысячами огненных очагов, или там, что мигает миллиардами звезд в грозной темной вышине.

Бышата сидел рядом с отцом и вслушивался в малопонятную тарабарскую речь. Ржали кони, орали захмелевшие нукеры, иногда раздавался вопль терзаемого пленника. Отец заставлял учить тарабарскую речь. Иногда даже порол за непослушание, приговаривая:

–Учись, Бышата. Не будь неслухом, не срами род наш древний. Будешь учиться – будешь хитрым и умным, много дел полезных сделать надобно.

А еще, бывало, выведет летом на пригорок, справа горят на солнце грозные стены Суздаля, а за холмом катит свои воды шустрая речка Нерль. Цветущие луга пестрят пахучими травами. Шумит березовая роща, обдуваемая теплым летним ветерком, а здесь осина перешептывается и шипит, разнося какие-то сплетни, словно деревенские кумушки у колодца. Над полем реют стрижи, вознося хвалы солнцу и радуясь лету, а вокруг такой аромат стоит... такой дух Земли Русской...

–Смотри, Бышата. Это Родина твоя. Русь – матушка.

Где-то замычит корова, и пахнет навозом от сбившихся в кучку подслеповатых крестьянских избушек.

—Мы люди вольные, суздальские. Никогда Вахрамей ни перед кем шапку не ломал и холопам не был!

И то правда. Целая осьмина деревень да еще центральная усадьба под Вахрамеем числится. А сколько лугов, сколько лесов! И все роду ихнему принадлежит! Спокон веку они туто-ка хозяйничали. И черных крестьян у них вдоволь, и родня славна дружбой, да и дружина кое-какая имеется.

Старший сын Вахрамей после смерти отца разделил обширное хозяйство с братом. Себе взял деревни и усадьбу, а брат в городе владел кузнечными мастерскими. Да и то, оба с головой! Что Вахрамей – купец, хаживал аж до самого Ерма-на, в Хамбург-пристань, что Никита, славится суздальской сталью, аж до хазарских степей, да еще в самом Киеве-граде. А в последний год и гордый Владимир-град не брезгал клинками и кольчугами из суздальских мастерских.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.